

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: НАСЛЕДИЕ КОНФЛИКТНОСТИ

Первая мировая война: дискуссионные проблемы и перспективные направления изучения. Сб. ст. / Отв. ред. И.Я.Великанова. – М.: ГЦМСИР, 2014. 332 с.

I.

Серьезная активизация научной разработки проблематики Первой мировой войны, наметившаяся в связи со столетием ее начала, обозначила уже в ходе первых форумов и публикаций подтвердила актуальность многих аспектов данного феномена, в т. ч. применительно к продолжающемуся, а в чем-то и усиливающемуся кризису в современных международных отношениях. Как заявил на первом из таких форумов спикер Государственной Думы РФ С.Е.Нарышкин, выступавший в своем качестве председателя Российского исторического общества, в центр внимания ученых и экспертов желательно поставить «вопросы генезиса первого всемирного кризиса, его влияние на ход цивилизационного развития в свете основных геополитических тенденций XX века» (с. 6).

В распоряжении отечественных ученых – авторов сборника статей о Первой мировой войне – находился большой массив не опубликованных и не использовавшихся ранее материалов отечественных архивов и предметов из музеев – их общий обстоятельный обзор составлен Л.Д.Сабуровым (с. 313-326). Это во многом предопределило направленность авторских докладов за круглым столом, позже объединенных представленных в развернутом виде в виде глав сборника. Речь в нем в основном идет о развитии событий либо непосредственно на русско-германско/австро-венгерском фронте, либо с преимущественным учетом российских и восточно-европейских реалий и подходов, хотя в ряде ключевых моментов истории анализировали войну в целом, рассмотрев ее главные элементы и итоги.

В число стержневых тем для большинства выступавших вошел до сих пор убедительно недостаточно проясненный в научной литературе вопрос о затяжном – и беспрецедентно изнурительном – характере войны. И правители, и общественность, как на Западе, так и на Востоке ждали эту войну и были убеждены в ее скором пришествии. Но мало кто среди тех и других допускал, что она продлится дольше трех-четырёх лет. В этом отношении предвоенная публицистика «друзей мира», пожалуй, имела обратный результат. Пацифистские издания обращали внимание на высокий технический прогресс в сфере вооружений, что порождало и в публике, и даже в штабных и дипломатических кабинетах иллюзии относительно скоротечной военной кампании.

Между тем, военные действия стали затягиваться, хотя потери оказались примерно такими же, что и предвиделись пацифистами, например, для России – в исследовании И.С.Блиоха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», выпущенном в свет к Первой гаагской конференции мира.

Согласно подсчетам историка-архивиста С.Г.Нелиповича, произведенным им с использованием новейших архивных данных (с. 44–131), только до конца 1914 г. стороны уже потеряли (убитыми, ранеными, контуженными, пропавшими без вести, пленными): Россия – 1418047 чел., Австро-Венгрия – 691665 чел. и Германия – 210075 чел. При огромных масштабах этих потерь (перевес российских отчасти связан с более высокими показателями умерших от тифа в госпиталях), они практически не повлияли на готовность сторон, включая солдатский контингент, к дальнейшему участию в боях. Связано это было отчасти с тем, что немцы несли меньшие потери против русских частей в Восточной Пруссии, что повышало их воинственную «мотивацию», а русские имели превосходство над австрийцами и это, в известной мере, компенсировало для России отсутствие успехов на германском фронте. В итоге особой «надломленности» вплоть до 1915 г. не ощущалось.

Как зафиксировало весьма обстоятельное исследование Е.С.Синявской (с. 132–160), по общему психологическому настрою российской армии ее боевая способность в целом, не смотря на отдельные узкие места (прежде всего рост дезертирства, слабости в подготовке поступающих резервов, сбои в снабжении боеприпасами и продовольствием) оставалась, в общем, на высоте в течение всего периода «великого отступления», вплоть до начала осени 2015 г.

II.

В первый период войны раздражающим фактором в России скорее были проявления верхушечного гниения режима, чем дела на фронте. Если на фронте русские грамотно изматывали австро-германцев, то во внутривнутриполитическом контексте безобразия распутинщины зачастую бросались в глаза и становились «притчей во языцех» чаще, чем реальные, порой значительные, упущения по части государственного управления.

Правительству никак не удавалось наладить общий язык в отношениях с парламентариями в Государственной Думе и вообще с образованными элитами. Власти плохо разбирались в характере партий и движений, стараясь замещая свое неумение влиять на них более традиционной манерой «тащить и не пущать». В таких условиях, как считает автор раздела о вызревании предпосылок гражданской войны в России проф. В.В.Журавлев (с. 186–196), «в виде полного разобщения всех ведущих социально-политических сил» (с. 194). Автор подчеркивает «неспособность или нежелание» правящих верхов империи установить и развивать конструктивные отношения даже со своими «естественными союзниками – монархистами и консерваторами, игнорируя их пожелания и предложения относительно мер на укрепление режима» (с. 187).

Вместо попыток предпринять социально-политическую консолидацию (вполне еще тогда возможную) вокруг курса на спасение государства и общества император предпочел осуществить маневр в стиле пресловутой тактики «малой и победоносной войны». В августе 1915 г. он назначил самого себя верховным главнокомандующим отступающей! армии. Автор соответствующего, отлично написанного раздела, сотрудник Института всеобщей истории РАН Ю.В.Кудрина предпочла подчеркнуто отмежеваться от неверного заезженного тезиса советской историографии о будто бы полной бездарности и неграмотности царя в военном отношении (с. 17–18). Полностью бездарным царь, конечно, не был, имел военное образование, и даже некоторый опыт участия в проведении войсковых учений. Возможно, что для какой-либо «малой победоносной» войны этого и хватило бы. Однако война на этот раз была никак не малая и отнюдь не победоносная. При таких условиях монаршее самовознесение дополнительно дискредитировало весь политический строй, а не только военную политику.

III.

Наряду с прогрессирующей пацификацией России постепенным, но все более глубоким распадом ее армии и фронтов, историков закономерно интересовали явления дестабилизации и дезинтеграции в южной и юго-западной Европе, на Балканах, в Малой Азии, связанные с кризисом в России, а также в Австро-Венгерской и Османской империях, и разрастанием разновекторных конфликтных тенденций в целом. В этой области уже в советские времена было немало сделано, в частности, академиком Ю.А.Писаревым и его школой (с. 271). Составители сборника сочли целесообразным продолжить эту линию, прежде всего, весьма основательным материалом Г.Д.Шкундина о взаимоотношениях Болгарии и Антанты в 1916–1918 гг. Присоединение Болгарии к Тройственному союзу (который после этого стал Четверным союзом), по мнению автора, в реальности не усилило германский блок, но породило в Берлине немалые надежды (с. 261–288) и в какой-то степени способствовало общему затягиванию военных действий.

Одним из ответвлений мировой войны явилось общее обострение этнонациональных противоречий, особенно на территории ослабленных и распадавшихся империй, на ее заключительных этапах. По мнению многих исследователей, это были конфликты на десятилетия: в кругах тогдашних политиков и исследователей были популярны слова Ж.Клемансо о том, что для урегулирования мирового кризиса будет недостаточно «и многих столетий» (с. 310). В данном контексте весьма уместно завершение монографии обращением к национальному вопросу и к теме малых народов.

Эту роль берет на себя исследование В.Л.Малькова о подходе президента США В.Вильсона к решению указанного конфликтного комплекса и его практическим последствиям. По мнению автора, линия В.Вильсона, начиная со знаменитых «14 пунктов», выдвинутых уже в декабре 1914 г., до «принципа национальностей», который лег в основу соответствующей декларации, принятой Версальской конференцией в 1919 г., была ничем иным, как

прикрытием нарождающегося американского «гегемонизма», который впоследствии лишь усилился и продолжал укрепляться на протяжении всего XX века (с. 289–291, хотя Вильсон и выступал в роли «знаменосца малых народов, страдающих от ущемления или подавления их самобытности» (с. 297).

В целом, хотелось бы пожелать, чтобы в рамках обозначенного комплекса дальнейших научных исследований (с. 325) специалисты дополнительно обратилась к таким категориям наследия Первой мировой, как использование «гегемоном» и «гегемонами» в своих силовых комбинациях манипуляций с «малыми нациями», в том числе путем игры на порою немалых аппетитах последних.